

Лит. газ. 1971, 29 септ. № 40

Сентябрь. Еще вчера был ясный, солнечный день, а сегодня кажется, что дождю не будет конца. Звоню на «Мосфильм».

— Съёмочная группа «Солярис» выехала на натуру в Звенигород.

А за окном дождь. Что ж, пожалуй, это самый удобный случай, чтобы застать Донатаса Баниониса. Ведь в такой день кинематографисты, как говорится, «сидят у моря и ждут погоды».

Штаб и командный пункт группы «Солярис» расположился на территории известного Саввино-Сторожевского монастыря — памятника архитектуры XV—XVII веков. Здесь я и встретил Баниониса. Он в полной «боевой готовности», в гриме, в костюме Криса Кельвина.

— Ждем солнца, — говорит Банионис, — у нас остались только солнечные эпизоды.

Я пытаюсь завести разговор о жанре фантастики в кинематографе, о повести Станислава Лема «Солярис», о фильме, в котором Донатас Банионис играет главную роль. Спрашиваю: что привлекло его в сценарии научно-фантастического фильма? Он качает головой:

— Нет, нет... это не науч-

РЕПЕТИЦИЯ, ДУБЛЬ, РЕПЕТИЦИЯ...

ная фантастика... Ничего похожего... В сценарии подняты проблемы нравственности, морали, ответственности человека за себя и за других, места человека в жизни...

Банионис рассказывает мне экзотическую предысторию фильма. То, что не вошло в сценарий. О странной планете Солярис, о неразгаданной тайне этой планеты. О космическом аппарате, который вот уже много лет кружит над ней. О людях, которые находятся на этом корабле. Это — предлагаемые обстоятельства, условия игры. И в тот момент, когда события, судьбы, взаимоотношения людей зашли в тупик, достигли предельной напряженности, начинается фильм. Раскрываются характеры, обнажаются конфликты, начинается борьба.

— Я думаю, что имеет смысл заранее информировать зрителя, — говорит Банионис, — чтобы он был подготовлен к восприятию нашей картины, чтобы не ждали красивенького цветного научно-фантастического фильма, где люди-схемы будут демонстрировать технику будущего. Хочется, чтобы человек взглянул на себя со стороны, задумался...

— Какой эпизод снимается сейчас?

— На Земле. За день до отлета. Крис Кельвин прощается с семьей, прощается надолго, может быть, навсегда.

Банионис заторопился. Все готово к съемке. Репетиция, еще репетиция, дубль, снова репетиция, и снова дубль. Наконец эпизод, который на экране будет длиться не больше минуты, снят. Цену этой минуте можно понять только здесь, на съёмочной площадке.

В короткий перерыв я подошел к режиссеру фильма Андрею Тарковскому:

— Несkolно слов о вашем фильме.

— Мы долго пытались найти исполнителя главной роли, долго не могли сделать выбор. Ведь роль Криса Кельвина требует не только психологической тонкости, мягкости, интеллигентности. Кельвин — мужественный человек, обладающий твердым характером, железной волей, страстью к жизни... Согласитесь, что найти актера, сочетающего в себе эти качества, не так-то просто.

— И выбор пал на Баниониса?

— Да. Мне кажется, что это идеальный вариант. Сочетание мужественной силы с необыкновенной душевной чуткостью. К тому же у Баниониса есть своя человеческая тема, которая заставляет его мучиться, искать, пробовать, не размениваться на мелочи. Мне нравится его требовательность к себе...

Пять часов вечера. Погасли прожекторы. Но для Донатаса Баниониса рабочий день не кончился. Впереди — вечерняя съемка. Уже поспешили на новый объект Андрей Тарковский и оператор-постановщик Вадим Юсов.

И снова репетиция, дубль, репетиция...

Фото Вл. ВЯТКИНА (АПН)

Э. БРОКШ